

Андрей Неклюдов

Как помочь Гере?

В глубинах России

Андрей Неклюдов
Как помочь Гере?

«Институт соитологии (ИС)»

2011

Неклюдов А.

Как помочь Гере? / А. Неклюдов — «Институт соитологии (ИС)»,
2011 — (В глубинах России)

Возможно ли помочь Гере – талантливому, но безалаберному художнику-самоучке из сибирской глубинки? Человеку, который не ценит ни своего дара, ни своего здоровья, ни даже жизни?

© Неклюдов А., 2011

© Институт соитологии (ИС), 2011

Содержание

1	5
2	7
3	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Андрей Неклюдов

Как помочь гере?

1

Сначала я подумала: надо же – *художник!*

Хотя нет, сначала я увидела все эти картины – тайга, горы, речки, сине-черные камни в пенных потоках. Божечки, сколько их! Полотен, я имею в виду. Почти картинная галерея. Они даже на веранде были развешены, все эти горы – темные оголенные и розовато-голубые заснеженные – и озера, их отражающие. Стою, рот разинув.

А Капитана мне и говорит... (это Вася, сезонный рабочий, так нашего начальника отряда прозвал – «Капитаной» – на эвенкийский манер).

– Это, – говорит, – Гера, знаменитый местный художник.

Мне еще пришло на ум, что он (Марк, то есть) вполне мог бы работать гидом, так серьезно это у него прозвучало.

Вот. А потом я подумала: наверное, интересный мужчина этот Гера. Художник как-никак, тонкая натура и всё такое. Я прямо-таки увидела его (в воображении, разумеется): бледное лицо, немного печальные умные глаза (у мужчины обязательно должны быть умные глаза), тонкие чувствительные пальцы, как и полагается художнику. Наверное, от здешних женщин у него отбоя нет.

Капитана между прочим сообщает:

– Скоро познакомишься: в маршруты с тобой ходить будет. Я второй сезон беру его в отряд рабочим. И стал подробно рассказывать (ну настоящий гид!), что картины свои Гера пишет с натуры – неделями пропадает в тайге с красками и этюдником, выискивает какие-то особые места и наблюдает за ними днем, вечером, ранним утром, не ест и не пьет... Потом с этюдов делает большие полотна. А когда ему приспичит, он легко с ними расстается – продает по тысяче рублей за штуку. И что Гера не только художник, но и охотник, рыбак и вообще таежный человек...

Пока он говорил, подумалось, что до сих пор мне почему-то в напарники доставались всё какие-то бичи, забулдыги, а тут надо же – художник! Местная знаменитость! Это значит – интересное общение, тонкие чувства, а может быть, даже... я ведь женщина еще вполне... бальзаковского, можно сказать, возраста. Словом, мне не терпелось с ним увидеться. Но пока что приходилось довольствоваться его горами и озерами, развешенными на стенах.

Две дамы из соседнего отряда тоже, поди, заинтересовались этим Герой: через Марка заказали у него пейзажи. И вот как-то слышу: «Гера картины принес». Ну наконец, дождалась! Я бегом – губы подкрасила, перышки распушила, выхожу...

И что я вижу? Господи, что я вижу?! Ну да, две картины стоят у столбиков крыльца проветриваются, не просохли еще; видать, на скорую руку состряпал. И обе почему-то коричневые, как из солярия. Это я чуть позже разглядела. А где же сам художник – тот, что с бледным лицом и печальными умными глазами? Не может быть! Обман! Подвох! На ступеньках сидит покуривает какой-то замухрышка, одетый как последний охламон, весь как будто прокопченный до черноты, проваленный, мрачный, с острым птичьим носом и черными злыми глазками. И по всему видно: женоненавистник.

«Как дым развеялись мечты...»

– Герочка, – одна из заказчиц спрашивает, – а почему на них только коричневые цвета?

– Не нравится – не берите, – оскаливается живописец, демонстрируя выщербленный зуб.

Вот уж красавец!..

А Марк серьезно поясняет:

– Гера их в солнцезащитных очках рисовал. – (Он всегда так шутит – с непробиваемой миной). Одна издам:

– Гера, правда, что ли?

Гера – ноль внимания. Сидит себе покуривает. А Марк мне шепотом:

– Просто у Геры все другие краски кончились, кроме коричневой и черной. Коричневой и черной... Как это уныло.

«Что ж, – скрепилась я, – такая уж, видно, моя планида – с охламонами работать».

2

Когда грузились в машину, Гера вместе с дорожной котомкой и старым спальным мешком мышиного цвета забросил в кузов ободранный деревянный ящик-этюдник.

– Гера будет в маршрутах картинку рисовать, – подтолкнул меня плечиком Вася (уже упомянутый мною рабочий). Василий парень заметный – вихрастый, румяный. Мне он напоминает бравого солдата из русских народных сказок. Кажется, сейчас возьмет – и суп из топора сварит. Лучше бы Марк мне в напарники этого бравого солдата дал вместо злюки-художника. Картинки он в маршрутах будет рисовать? Так я ему и позволила! Что касается работы – тут я строга.

Этот его этюдник болтался у нас под ногами всю дорогу, на него наступали (и сам Гера – первый), на ухабах его подбрасывало вместе с нами. Ну разве настоящие художники так относятся к своим причиндалам?

Палатку мою, я потребовала, чтобы поставили на благопристойном расстоянии от остальных. Все-таки единственная женщина среди своры мужиков. Пусть не забывают об этом. Палатка – одно название: из тонкого капрона, размером с собачью конуру. Как можно в такой жить?

Гере дали такую же, а начальник с остальными двумя рабочими – Василием и Петром-эвенком, – занял шестиместную брезентовую, старую, зато с печкой. Вот гусь! У входа в их жилище тут же улегся здоровущий Васин пес.

Ничего, посмотрим еще... Мерзнуть я не намерена.

Место, правда, оказалось симпатичное, ничего не скажешь: ровная терраска с нежно-зелеными лиственницами, мягкий как пряжа мох, внизу под обрывом – речушка. Звенит хрусталем. И вода хрусталь! Но холодная-я-я! Ужас! Камни торчат из нее, прямо как на Гериных картинах – сине-черные, в белой пене. И горы вокруг тоже очень похожие.

Только закончили с обустройством, как Гера вытащил из своей котомки складную удочку или спиннинг (я не очень-то разбираюсь) и утопал. Станный все-таки мужик: собрался и утопал. И никому ни словечка.

Сидим вечером у костра: темнота, звездочки над черными горами искрятся, речка журчит-напевает... Воздух – не надышаться! Вдруг Васин пес ощерился, рычит и к хозяину жметесь, герой.

Из темноты выходит привидение. В первую секунду мне самой захотелось к Васе прижаться, хотя я не из трусливых.

Человек без лица: под капюшоном – черно, как будто пусто. Только возле огня показался острый Герин нос и глаза заблестали по-волчьи. Волк да и только!

– Нету рыбы, – из-под капюшона.

Поймал всего пяток мелких хариусков. Мои рабочие в прошлые годы таких и не брали – обратно в речку выпускали. Капитана:

– Если Гера ничего не выловил, то нам и пробовать не стоит. А эти, Василий с Петрухой, сейчас же давай издеваться:

– Да ты небось на пустой крючок ловил! Наживку сам стрескал!

– Гера вместо рыбалки по берегу на четвереньках ползал – траву драл.

Смотрю – точно: вытаскивает из одного кармана пучок тонкого дикого лука, из другого – комков каких-то проволочных стеблей с листочками, похожими на листья багульника, только мельче.

– Что это? – спрашиваю.

– Сахан-дайля, – важно так отвечает (он же лесной человек как-никак, почти знахарь!). – Целебная, – дескать, – но в чай тоже годится, – и сует мне под нос комок этой зелени.

Пахнет, как ни странно, приятно, чем-то знакомым, бруснично-карамельным.

Пока нюхала – смотрю: рукава у Гериной куртки до подмышек мокрые, штаны тоже вымокшие выше сапог.

– Ты что, купался в одежде? – спрашиваю.

Как будто не слышит. Стянул молчком сапоги, вылил из них воду, размотал раскисшие портянки и зашвырнул их вместе с носками куда-то под куст. А сам, босой, уселся на валежине у костра с пол-литровой кружкой чая. Из кружки торчат в разные стороны стебли этой самой... как ее там? Забыла.

– Как эта твоя целебная трава называется? – спрашиваю.

– Сахан-дайля.

Торчат, значит, из кружки пучки этой целебной сахан-дайли, можжевельника и еще бог знает какой местной флоры.

Казалось бы: ну что мне до него? Нет же, такой дурной характер: за всех переживаю.

– Подсушился бы хоть, – советую, – портянки бы у огня повесил.

– Тебе-то что за дело? – скривился. Ишь, колючка какой! «Что за дело...»

– Тебя, между прочим, – говорю, – мне в пару дали. А мне больные помощники не нужны!

– Все равно завтра намокнут! – махнул рукой. И рот оскалил с выщербленным зубом. Бр-р-р! Надувшись чаю, тут же у костра и разлегся, прямо на мху – довольный – как у себя дома.

3

В маршрут Гера потопал в ботинках. Шлепал в них по болотам и по ручьям, как будто не замечая ни холода, ни противного чваканья при каждом шаге. Даже мне неприятно было это чваканье слышать. А каково ногам? Радикулит себе зарабатывает. Зато когда полезли в гору, он получил преимущество: мои ноги в сапогах через короткое время буквально раскалились, Гера же скакал козликом с камня на камень в своих ботиночках. В гору он, надо признать, карабкается бодренько, еще и меня обгоняет. Но иногда замрет и стоит, точно сурикат в документальных фильмах о природе. Должно быть, живописует. Мысленно. На деле же рисовать некогда, работы полно. Я его сразу предупредила.

Забрались на гребень хребта. Самое место и время передохнуть. Я скорее разулась, ступни намученные подставила под ветерок. Ух!

Рабочий же мой вмиг куда-то исчез. Никак по нужде? Появляется с охапкой незнакомых мне растений с пластмассовыми листьями и крупными бледно-зеленоватыми цветками – как из цветочного магазина.

– Кашкара! – объявляет мне. – Помогает при боли в животе и в коленях.

– У меня колени не болят, – говорю.

– Полазишь по горам – заболят. А еще ее в чай можно класть, хотя она немного горьковата. На обеденном привале он ее бросил-таки в чай. В итоге пил этот чай один.

Перед чаем он, кстати, открыл и умял банку холодной тушенки. Предлагала ему: давай разогреем на костре. Нет.

– В животе согреется!

Что ж, грей.

Когда в конце дня опять спустились к ручью, Гера, словно ищейка, головой туда-сюда покрутил, принялся и сразу же приметил и выкопал руками (чуть не сказала: лапами) золотой корень. По научному – родиола розовая, ее-то я знаю.

– Бери, настойку сделаешь, – сует мне грязные растрепанные корневища.

– Какая настойка?! Я вообще не пью, будет тебе известно.

– Какая ж ты тогда геолог? – удивляется.

Что же, все геологи обязательно должны быть пьяницами?

Пока шли к лагерю, он всё собирал травы и мне показывал – и сахан-дайлю вчерашнюю, и какую-то янду с синими цветками, похожими на колокольчики, и каменушку, родственницу черной смородины – паху-учую-ю-ю!

Когда входили в лагерь, у него из всех карманов, из кармашков рюкзака и даже из ботинка торчали пучки всевозможной растительности. Я не выдержала, расхохоталась. Пошутила (хоть и грубовато):

– У тебя, Гера, разве что из одного места еще трава не торчит, а так отовсюду!

В ответ неразборчивое – бу-бу-бу.

Все это аптечное зелье Гера развесил под сводом палатки-склада, и когда я забиралась в нее за крупой или консервами, за шиворот мне сыпались разные листики и цветочки. Потом я находила их у себя в карманах, в сапогах и даже в спальном мешке.

Не пойму я этого Геру. В маршрутах в жаркий день парится, даже куртку не расстегнет. Как-то остановились у ручья.

– Давай, – предлагаю, – освежимся. В самом деле: чего мучиться-то? Молчит.

– Ладно, – говорю, – ты – как хочешь, а я немного поплещусь. Отвернись, пожалуйста. Отвернулся и просидел болванчиком – в плотной штормовке под солнцем.

Зато в непогоду бродит по лагерю или сидит у костра босой, в мокрых до колена штанах и курточке, набрякшей от дождя. Вокруг него – туча комаров, с капюшона на штаны падают капли.

Не понимаю: есть же плащ, сапоги, я сама в плаще до пят, а этот – нет, будет сидеть и мокнуть. Что за человек!

Однажды не вытерпела, воскликнула в сердцах:

– Ну что за мужики! Вы, мужики, как дети – не можете о себе позаботиться! Сидишь мокрый, мерзнешь... Ну хоть бы плащ на плечи набросил!

Тут его точно прижгли:

– Это вы тут как дети! А мы здесь местные, привыкшие!

Прямо распирает его оттого, что он такой крутой таежник, сидит мокрый, и ему хоть бы хны, а мы, избалованные цивилизацией горожане, в плащах. Будто я впервые в поле. «Привыкший»... Привык ни о чем не заботиться, жить как дикарь. Вася столик маленький сколотил, так этот – нет же, ест прямо на земле, миска – между грязными босыми ступнями. Как-то наблюдала картину: Гера хлебает суп, а комары и мошка грызут его ноги. Гера нащупывает за спиной аэрозольный баллончик с ядом против гнуса и давай опылять им кисти рук, ступни, а заодно – и миску с супом. И преспокойненько ест дальше.

Мне чуть дурно не стало.

– Гера, – говорю, – ты же отравишься!

Так он меня чуть не съел вместо супа:

– Что прицепилась, пиявка?! Вот зануда, покоя от тебя нет!

Подумаешь, недотрога какой! Нужен ты мне больно! Хоть весь баллончик с этой дрянью вылакай – слова больше не скажу.

«Зануда»... И что из этого?

Дочка меня тоже, кстати, занудой считает. Спрашиваю у нее однажды:

– Женечка, у тебя мальчик есть?

А что в этом такого? Я ведь мать, мне же не безразлично.

– Ма-а-ама-а! Не хочу я этот вопрос обсужда-а-ать!

– А он из хорошей семьи?

– Не знаю, мама, не спрашивала.

– А ты с ним уже спала?

– Ма-а-а-ама!!! Ты уже три года эти три вопроса задаешь! Нельзя же быть такой занудой!

Почему нельзя? Это же лучше, чем бревно равнодушное. Ну не могу я смотреть, как человек мерзнет, даже если это и Гера...

Вообще-то с возрастом мужчины, я давно замечаю, становятся аккуратнее, больше заботятся о здоровье, о чистоте. Но только не этот! Этот даже миску свою никогда не помоеет. Оставляет ее там, где ел, или бросает под елку у костра, где ее всегда находит и начищает до блеска Васина собака. Поначалу я иногда вместе со своей мыла и Герину посуду – никакой благодарности в ответ. Он попросту этого не замечает. Но что еще хуже – сам никогда не моется и даже рук не моет... живописец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.